

Понимание сна в русских пословицах и поговорках

Гигла Джинджолия

(Пльзень, Чешская Республика)

Феномен сна привлекает пристальное внимание исследователей. Эта тема имеет долгую историю, большую литературу и множество решений. Онтологический статус сна — предмет обсуждения философов и психологов (обзор литературы: [RUDNEV 1999b, 281–284]). Сновидения активно изучаются в аспекте фольклористики, этнолингвистики, семиотики. Народные толкования снов и их мифологические основания изучал Н. И. Толстой [TOLSTOJ 2003, 303–310]. Иномирное пространство сна показано в работе С. М. Толстой [TOLSTAJA 2015, 463–473]. Круг вопросов, относящихся к этой теме, затронут в работах А. В. Гурь: сон в славянской культурной традиции [GURA 2012, 119–122], регламентация поведения человека в связи со сновидениями [GURA 2018a, 79–93], славянские сонники (источники и параллели) [GURA 2018b, 325–328] и др. Механизмы семантизации снов (противопоставление, сходство, метонимия, обобщение, сложные мотивации) выделила С. Небжеговская-Бартминьская [NEBŽEGOVSKAJA-BARTMIN'SKAJA 2011, 81–92]. Сон рассматривается как семиотическое окно в невидимый «параллельный» мир [LOTMAN 1992, 219–226; ДАНИЛОВА 1993].

Назовем основные идеи, из которых мы исходим в работе. Пословицы и поговорки «не только выражают и межпоколенно транслируют, но и формируют культурное самосознание народа» [TELIJA 1999, 9]. Народные представления о сне могут быть сведены к пяти основным положениям: «1. Сон противопоставляется не-сну, яви, повседневной, обычной жизни. 2. Сон — перевернутая явь, явь наизнанку, оборотная, повседневно не зримая сторона жизни; сон — видимый фрагмент обычно невидимой „параллельной“ жизни. 3. Сон как смерть. Сон равносителен смерти. Как смерть, по народным представлениям, не является концом жизни, а лишь переходом ее в другое состояние, так и сон есть временный переход в другое состояние, в „параллельную жизнь“. 4. Сон как

„тот“ свет. Сон — посещение того света. 5. Сон — это также открытие границы между настоящим и будущим и в то же время настоящим и прошедшим. Отсюда восприятие сна как предсказания, предзнаменования, пророчества, отсюда вера в вещий смысл снов» [TOLSTOJ 2003, 306].

Народные представления о состоянии сна — важный фрагмент традиционной картины мира. Цель статьи — изучение этого состояния, воплощенного в русских пословицах и поговорках. Материалом исследования является более 300 пословиц и поговорок (без учета лексических и грамматических вариантов), отобранных из следующих словарей русского языка: «Пословицы и поговорки русского народа» [DAL' 1997] и «Толковый словарь живого великорусского языка» [DAL' 1981–1982] В. И. Даля, «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина [ZIMIN 2010], «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой [BIRICH, МОКИЕНКО, STEPANOVA 1998], «Большой словарь русских народных сравнений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [МОКИЕНКО, НИКИТИНА 2008] и др.

Материалом исследования служат главным образом пословицы и поговорки, граница между которыми проводится по-разному. При их разграничении мы опираемся на диагностический тест, который предлагают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [BARANOV, DOBROVOL'SKIJ 2013, 77–83]. Характерные особенности пословиц — «рекомендательная сила», «отсылка к общему знанию носителей языка» и др. [BARANOV, DOBROVOL'SKIJ 2013, 80]. Кроме того, в статье приводятся единичные примеры примет, которые связаны со сновидениями: *Собака приснилась — к другу; Лошади приснились — ложь будет*. Они включены в словарь «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля [DAL' 1997]. Примета — «устойчивая связь двух явлений объективной действительности, одно из которых понимается как знак, а второе — как его толкование, обычно в виде прогноза на будущее» [AGAPKINA, BELOVA 2009, 279]. Пословицы, поговорки, приметы и другие малые формы устного народного творчества часто называют паремиями [BARANOV, DOBROVOL'SKIJ 2013, 77].

Пословицы и поговорки вырастают на почве культуры и отражают миропонимание и мировосприятие народа [TELIJA 1999]. Будет интересно обсудить их роль в осмыслении состояния сна. Сон в пословицах и поговорках наделяется признаками, которые отражают изменение ментальных способностей человека в этом состоянии, параметров пространства и времени. Он осмысливается в координатах жизни и смерти, рассматривается в призме зоонимических образов, противопоставляется *бессоннице* и выступает образцом для выражения семантики неопределенности. Набор семантических признаков

сна в пословицах и поговорках неоднороден. Но это не сумма отдельных представлений, а единое целое, синтезирующее опыт народа.

Основными **пространственными параметрами сна** в пословицах и поговорках являются оппозиции «знакомое место — незнакомое место», «близкий — далекий». **Знакомое место** представлено предметами, перенесенными из повседневной жизни человека в снореальность. Здесь фигурируют реалии, связанные с традиционным крестьянским бытом и имеющие отношение к сновидцу (*хомут, коровий след, масло, кисель, маковники* и др.): *Видел мужичок хомут во сне — не видать ему клячи (лошадки) довеку; Видел во сне коровий след: ин наяву маслом отрыгается (отрыгнется); Во сне видел маковники, так во сне и ешь*. Предметы снореальности метонимически связаны с предметным миром яви (*хомут — кляча; коровий след — масло*).

Наименования предмета снореальности в знакомом для сновидца пространстве может не быть. Пространственный актанта при глаголе «видеть» опускается: *Он и спит и видит*. Мы не можем сказать, что именно субъект «видит». Неназывание актанта — одно из проявлений «чистой предикативности», которая возникает в ситуациях, когда предмет речи известен говорящему, поэтому нет надобности его называть [VYGOTSKIJ 1999, 311–312].

Пространство сна для сновидца может быть неизвестным, **незнакомым**. Незнакомое пространство описывается как впервые увиденное и неузнанное место: *Знаю (чую), где ночую, но не знаю, где сплю*. Синтаксическим маркером неузнанного места выступает конструкция «не знаю, где». *Не знать* в контексте придаточного предложения, вводимого вопросительным словом, «может иметь значения „не понимать“, „не представлять“, „не предполагать“» [APRESJAN 2003, 397–398].

На **близкое и далекое место** в пословицах и поговорках указывают наречия *тут* и *там*. Эти слова выступают без конкретизирующих обстоятельств. Точного наименования места они не дают, поэтому пространственная локализация событий снореальности не является четкой. Намек на смыслы, стоящие за этими словами, содержится в придаточном предложении с *где*: *Где ходим, тут спим; Где стал, там и спал*.

Пространственные значения выражаются с помощью предлогов *в/во* (*видеть во сне*), *сквозь/скрозь* (*слышать/слушать сквозь / как скрозь сон*). Предлог *в/во* в сочетании с предложным падежом указывает на место, пространство,местилище, среду, в пределах или внутри которых что-либо происходит (толковые словари). Предлог *сквозь* (= устар. и обл. *скрозь*) в сочетании с винительным падежом означает «предшествующее или сопутствующее состояние, преодолеваемое действием или другим состоянием» [ZOLOTOVA 2006, 126].

В пословицах и поговорках, описывающих состояние сна, отсутствует темпоральная лексика (*минута, час, день* и др.) и нет параметрических характеристик *долго, быстро* и др. Представления о времени здесь создаются квазитемпоральными средствами, которые выражают **темпоральные смыслы**. Основные из них — **сжатие времени, его ускорение и расширение**.

Изучение временных параметров сна, воплощенных в пословицах и поговорках, подтверждает мысль П. Флоренского: «Сновидение имеет особую, не сравнимую с дневною, меру времени, „трансцендентальную“» [FLORENSKIJ 1993, 5]. «За краткое, по внешнему измерению со стороны, время можно пережить во сне часы, месяцы, даже годы, а при некоторых обстоятельствах — века и тысячелетия. В этом смысле никто не сомневается, что спящий, замыкаясь от внешнего видимого мира и переходя сознанием в другую систему, и меру времени приобретает новую, в силу чего его время, сравнительно со временем покинутой им системы, протекает с неимоверной быстротой» [FLORENSKIJ 1993, 5].

Примером сжатия времени, его «оплотнения», компрессии может быть выражение *Мало спал, да много во сне видел*, которое П. Флоренский назвал «формулой сгущенности сновидческих образов» [FLORENSKIJ 1993, 5]. Слова *много во сне видел* косвенно свидетельствуют о повышенной концентрации событий и чувств во сне, о расширенном времени. Допускается «переворачивание» смысла: *Много спал, да мало во сне видел*. В выражении *За сон не ручись* акцентирована идея непредсказуемости отклонений времени во сне: «не знаешь, долго ли проспишь и что пригрезится, какими событиями время будет наполнено».

Пословицы и поговорки фиксируют различные **речемыслительные отклонения**. Эти отклонения обусловлены особыми состояниями психики во сне, которые исследователи называют измененными состояниями сознания [SPIVAK 1986; RUDNEV 1999a, 107–110; RUDNEV 1999b, 281–284].

Во сне человек «думает не свою думу» или «не в своем уме». Эти признаки сближают состояние сна с состоянием опьянения: *Хмельной да сонный не свою думу думают; Во хмелью да во сне человек сам в себе неволен; Сонный да пьяный — божевольный (не в своем уме)*. Особое ментальное состояние, в которое погружен сновидец, названо словом *дума*. *Дума* — это глубокая всепоглощающая мысль (толковые словари). Думы обычно бывают тягостными, безрадостными: «думы в отличие от мыслей текут медленно, тяжело. Благодаря этому слово *дума*, как правило, предполагает определенное содержание мыслей — обычно это трудная жизнь субъекта или кого-то из его близких, трудные жизненные положения и т. д. При этом субъект не столько пытается понять что-либо, сколько сосредотачивается на одних и тех же привычных ему безрадостных

мыслях, снова и снова возвращается к одним и тем же ситуациям, людям и т. п. Думы исключают какие-либо сознательные усилия субъекта — они текут совершенно независимо от его воли» [URYSON 2003, 553–554].

Человеку в состоянии сна приписываются различные речевые дисфункции, например, «несанкционированное» речепорождение, которое может иметь негативные последствия в яви (*Во сне проговорился, а наяву поплатился*), замедленная, бессвязная речь (*бормотать как во сне*) и т. д. По представлениям, отраженным в пословицах и поговорках, в состоянии сна сознание полностью не выключено, но уже не выполняет своей контролирующей функции.

Сон в обыденном представлении — нечто неясное, нечеткое, ускользающее и тем самым становится **образцом для выражения семантики неопределенности**. В этой функции слова *сон*, *сонный* используются в позиции образа сравнения. В «*Большом словаре русских народных сравнений*» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной мы насчитали свыше 40 подобных сравнений. Некоторые примеры: *как сну своего не знаю* — пск., «не имею абсолютно никакого представления о чем-либо»; *ходить как сон городить* — новг., «о сонном, вялом человеке», «о бродящем без толку человеке»; *править как во сне* — ивановск., «о кучере, который держит поводья на облучке в полудреме»; *ходить (бродить) как во снах* — пск., «о сонно, вяло или мечтательно расхаживающем человеке», *будто в сон заснуть* — карел., «в состоянии забытья»; *жить как сон глядеть* — народн., «о чьей-либо жизни в полузабытьи, отвлечении от реальности» [МОКИЕНКО, НИКИТИНА 2008, 644–645]. Как основание для сравнения используются разнообразные признаки: *помнить (вспоминать/вспомнить) как во сне; припоминать/припомнить как сквозь сон; помнить как во снах* — «нечеткость, неясность, расплывчатость воспоминаний», «легкое беспамятство»; *ровно во сне видеть* — «видимое неясно, расплывчато»; *доноситься как сквозь сон (как сквозь сну)* — «неясно воспринимаемое на слух» и т. д.

Сон в пословицах и поговорках рассматривается в **координатах жизни и смерти**. По словам С. М. Толстой, восприятие сна «как временной смерти и смерти как вечного сна относится к универсальным стереотипам культуры и находит многообразное выражение в языке» [TOLSTAJA 2015, 463]. В корпусе «сонных» пословиц и поговорок много примеров, свидетельствующих об устойчивой связи «сон = смерть». Так, считается, что долго не проживет человек, который много спит: *Кто больше всех спит, тот меньше всех живет; Много спать — мало жить: что проспано, то прожито. Сонный уподобляется мертвецу: Спит как мертвый; Сон смерти брат; Сонный, что мертвый; Уснешь, что умрешь; Уснул — помер; Уснешь, что умрешь; Спит человек — не живой; Так спит, что хоть клади в гроб да хорони*. Прямым знаком смерти может быть

«поведение» человека в состоянии сна, например, глубокое и быстрое дыхание толкуется к смерти: *Если сонный отпыхивает, то умрет.*

Сон бывает *непробудным, мертвецким, вечным*. Выражение *мертвецкий сон* встречается у А. Блока. Оно противопоставляется *сну живому, мгновенному*. На переходах одного значения *сна* к другому, противоположному, строятся некоторые фрагменты поэмы А. Блока «*Ночная фиалка*». Анализ этой поэмы дан в работе Н. А. Кожевниковой «*Словоупотребление в русской поэзии начала XX века*»: «Для поэзии начала века, в первую очередь, для Блока, значимо противопоставление *сон-прозябание*, внутреннее оцепенение, прижизненная смерть, и *сон-истинная жизнь*, которое отражается в разных типах сочетаний. Это противопоставление используется как основа движения некоторых текстов. В поэме Блока «*Ночная фиалка*» разные эпитеты к слову *сон* противопоставляют два различных его употребления. С одной стороны: *И, наверное, друг мой, шатаясь, / Не однажды домой приходил / И ругался, меня проклиная, / И мертвецким сном засыпал*. С другой: *Так заветная прялка прядет / Сон живой и мгновенный, / Что нечаянно Радость придет / И пребудет она совершенной*» [KOŽEVNIKOVA 1986, 61–62].

Распространена в пословицах и поговорках противоположная связь — «сон = жизнь». Сон лечит, «молодит» и продлевает человеку жизнь: *Сон — лучшее лекарство (Сон лучше всякого лекарства); Сон дороже лекаря; Головная боль сном проходит; Ляг да усни: встань да будь здоров; Выспишься — помолодеешь; Выспался — будто вновь народился; Не дашь старику после обеда соснуть часок — сократишь его срок*. В наделении сна как «смертными», так и «жизненными» чертами проявляется его семантическая амбивалентность, двойственность отношения к нему.

Сон осмысливается через **зоонимические образы**. В пословицах и поговорках упоминаются различные животные и птицы (*лиса, наседка, коршун, соловей, собака* и др.), которые наделяются символическими значениями, закрепленными за ними в народной культуре: *Лиса одним глазом спит, а другим кур считает; Наседка одним глазом спит, а другим коршуна видит; Наседка одним глазом спит, а другим цыплят сторожит; Спать соловьиным (будким) сном; Собака приснилась — к другу*. Лошадь в сновидениях толкуется как предсказание лжи: *Лошади приснились — ложь будет*. Сцепление «снопредмета» (*лошадь*) и связанного с ним события в яви (*ложь*) не имеет прозрачной мотивации. Вполне возможным нам кажется сближение слов на основе их созвучия: **лошадь — ложь**.

В выражении *Спать без задних ног* («очень крепко, беспробудно, обычно в состоянии усталости») есть сравнение со сном животных. Это выражение возникло на основе наблюдений за животными: «После тяжелой работы лошадь

ложится и спит, расслабив задние ноги. Если в это время попытаться поднять ее, она будет вставать на передние ноги, но задние ее не будут слушаться» [BIRICH, MOKIJENKO, STEPANOVA 1998, 404–405].

Характерно уподобление «сон = лень» (сонлив = ленив, сонливый = ленивый): *Кто ленив, тот сонлив; Сонлив, так и ленив; Сонливый да ленивый — родные братья; Сонливого не добудисься, а ленивого не дошлесься; Пришел сон из семи сел, пришла и лень из семи деревень.* «Ленивые» смыслы сна могут выражаться с помощью зоонимического, растительного и пищевого кодов. Лень обычно оценивается негативно: *Спящий пес зайца не поймают; Ранняя пташка червяка клюет, а поздняя и зерна не найдет; Ранняя пташка носок очищает, а поздняя глаза продурает; Кто пораньше встает, тот грибы берет, а сонливый да ленивый идут за крапивой; Солнце на ели, а он еще в постели; Из сна блинов не напечешь; Из сна каши не сварить; Лень мужика не кормит; У ленивого что на дворе, то и на столе* (ничего). Вместе с тем лень воспринимается как состояние, которое нельзя осуждать: *Больше спишь — меньше грешить; Кто спит — не грешит; Кто долго спит, тому Бог простит.* Русские обозначения лени осуждают конкретные ее проявления, но не идею лени [LEVONTINA 2005, 341–344].

Сну противопоставлена бессонница — состояние без сна. Это противопоставление трактуется в категориях чистоты и нечистоты совести. По определению В. И. Даля, *совесть* — это «тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка» [DAL' 1982, т. 4, 256]. *Совесть* — орган этической, нравственной (само)оценки человека, который не дает спать и видеть сны: *Нечистая совесть спать не дает.* Часто встречаются выражения, основанные на внешних проявлениях бессонницы, без использования ее собственного «лексикона»: *У кого совесть нечиста, у того подушка в головах вертится; У меня подушка в головах не вертится* (совесть чиста); *Перинка совести не замена.* Для описания бессонницы используется как предметная лексика (*подушка, перинка* и др.), так и зрительная: *Сна — ни в одном глазу; Хоть глаз коли, а заснуть не может; Целую ночь не может сомкнуть глаз.* Встречаются пословицы и поговорки, призванные объяснить факт бессонницы: *Богатому не спится — воров боится; Богатому сладко естся, да плохо спится; Не живется, так и не спится; Малые дети спать не дают, а с большими и сам не заснешь. Кто много спит весной, у того зимой бессонница бывает.* Когда совесть чиста и не «давят грехи», человек спит *сном праведника, как молодой бог.*

Со сном связывается представление о чем-то, что действует внутри человека независимо от его воли и желания: *Сон и богатыря свалит с ног; Спячка напала, всех покатоком поваляла; Сон напал, одолел; И рад не спал бы, да сон одолел.* Сон мыслится как субстанция, обладающая силой, которую нельзя одолеть.

Подведем итоги. Пословицы и поговорки, описывающие состояние сна, отражают изменение параметров пространства и времени. Характерны противопоставления «знакомое место — незнакомое место», «близкий — далекий». Пространственная локализация снареальности не является четкой. Свойства «тамошнего» времени — повышенная концентрация событий и чувств, сжатие времени, его ускорение и расширение.

Во сне меняются ментальные способности человека. Он становится «думным», «думает не свою думу» или «не в своем уме». Его ментальное состояние трактуется как «чужое». В «думных» пословицах и поговорках состояние сна уподобляется состоянию опьянения: *Хмельной да сонный не свою думу думают; Во хмелю да во сне человек сам в себе неволен* и др.

Сон в пословицах и поговорках наделяется взаимоисключающими характеристиками, рассматривается то в координатах смерти, то в координатах жизни. Характерно уподобление «сон = смерть» (*Сонный, что мертвый; Сон смерти брат* и др.). Восприятие сна как смерти «относится к универсальным стереотипам культуры» [TOLSTAJA 2015, 463]. Вместе с тем *сон* определяется и в координатах жизни («сон = жизнь»): *Сон — лучшее лекарство; Сон дороже лекаря; Выспишься — помолодеешь* и др.).

Сон как объект сравнения выступает образцом для выражения семантики неопределенности («неясно воспринимаемое на слух»; «видимое неясно, расплывчато»; «нечеткость, неясность, расплывчатость воспоминаний» и т. д.).

Сон ассоциируется с *ленью* (*Кто ленив, тот сонлив* и др.), а также рассматривается в призме зоонимических образов, которые нагружены важными символическими значениями, закрепленными за ними традицией (*Лиса одним глазом спит, а другим кур считает; Наседка одним глазом спит, а другим коршуна видит*). Характерно противопоставление сна бессоннице. Бессонница в пословицах и поговорках включается в систему ценностей, главными координатами которой являются представления о чистоте и нечистоте совести.

Библиография:

- AGAPKINA, T. A., BELOVA, O. V. (2009): *Primeta*. In: TOLSTOJ, N. I. (red.): Slavjanskije drevnosti. Ètnolingvističeskij slovar'. V 5 t. Moskva. T. 4, s. 279–280.
- APRESJAN, Ju. D. (2003): *Znat', vedat'*. In: APRESJAN, Ju. D. (red.): Novyj ob'jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka. Moskva, s. 396–402.
- BARANOV, A. N., DOBROVOL'SKIJ, D. O. (2013): *Osnovy frazeologii*. Moskva.
- BIRICH, A. K., MOKIJENKO, V. M., STEPANOVA, L. I. (1998): *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-ètimologičeskij spravočnik*. Sankt-Peterburg.

- DAL', V. I. (1981–1982): *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka. V 4 t.* Sankt-Peterburg.
- DAL', V. I. (1997): *Poslovicy i pogovorki russkogo naroda.* Sankt-Peterburg.
- DANILOVA, I. Je. (red.). (1993): *Son — semiotičeskoje okno. Snovidenije i iskusstvo. Snovidenije i tekst.* Moskva.
- FLORENSKIJ, P. (1993): *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu.* Sankt-Peterburg.
- GURA, A. V. (2012): *Son.* In: TOLSTOJ, N. I. (red.) (1995–2012): *Slavjanskije drevnosti. Ètnolingvističeskij slovar'. V 5 t.* Moskva. T. 5, s. 119–121.
- GURA, A. V. (2018a): *Reglamentacija povedenija čeloveka v svjazi so snovidenijami.* In: TOLSTAJA, S. M. (red.): *Obraz čeloveka v kul'ture.* Moskva, s. 79–93.
- GURA, A. V. (2018b): *Slavjanskije sonniki: istočniki i paralleli.* In: MOLDOVAN, A. M. (red.): *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavjanskich narodov. Istorija slavistiki.* Moskva, s. 325–328.
- KOŽEVNIKOVA, N. A. (1986): *Slovoupotreblenije v russkoj poèzii načala XX veka.* Moskva.
- LEVONTINA, I. B. (2005): *Homo piger.* In: ZALIZNJAK, A. A., LEVONTINA, I. B., ŠMELEV, A. D. (2005): *Ključevyje idej russkoj jazykovoje kartiny mira.* Moskva, s. 336–345.
- LOTMAN, Ju. M. (1992): *Son kak semiotičeskoje okno.* In: LOTMAN, Ju. M. (1992): *Kul'tura i vzryv.* Moskva, s. 219–226.
- MOKIJENKO, V. M., NIKITINA T. G. (2008): *Bol'šoj slovar' russkich narodnych sravnenij.* Moskva.
- NEBŽEGOVSKAJA-BARTMIN'SKAJA, S. (2011): *Konstitutivnyje cennosti pol'skogo narodnogo sonnika.* In: SEDAKOVA, I. A. (red.): *Èvoljucija cennostej v jazykach i kul'turach.* Moskva, s. 81–92.
- RUDNEV, V. P. (1999a): *Izmenennye sostojanija soznanija.* In: RUDNEV, V. P. (1999a): *Slovar' kul'tury XX veka. Ključevyje ponjatija i teksty.* Moskva, s. 107–110.
- RUDNEV, V. P. (1999b): *Snovidenije.* In: RUDNEV, V. P. (1999b): *Slovar' kul'tury XX veka. Ključevyje ponjatija i teksty.* Moskva, s. 281–284.
- SPIVAK, D. L. (1986): *Lingvistika izmenennyh sostojanij soznanija.* Leningrad.
- TELIJA, V. N. (1999): *Ot redaktora.* In: TELIJA, V. N. (red.): *Frazeologija v kontekste kul'tury.* Moskva, s. 8–10.
- TOLSTAJA, S. M. (2015): *Inomirnoje prostranstvo sna.* In: TOLSTAJA, S. M. (2015): *Obraz mira v tekste i rituale.* Moskva, s. 463–473.
- TOLSTOJ, N. I. (2003): *Narodnyje tolkovanija snov i ich mifologičeskaja osnova.* In: TOLSTOJ, N. I. (2003): *Očerki slavjanskogo jazyčestva.* Moskva, s. 303–310.
- URYSON, Je. V. (2003): *Mysl', ideja.* In: APRESJAN, Ju. D. (red.): *Novyj ob"jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka.* Moskva, s. 551–556.
- VYGOTSKIJ, L. S. (1999): *Myšlenie i reč'.* Moskva.

ZIMIN, V. I. (2010): *Slovar'-tezaurus russkich poslovic, pogovorok i metkich vyraženij*. Moskva.

ZOLOTOVA, G. A. (2006): *Sintaksičeskij slovar'. Repertuar èlementarnych jedinic ruskogo sintaksisa*. Moskva.

Summary

The Interpretation of Sleep in Russian Proverbs and Sayings

The article examines Russian proverbs and sayings that describe the state of sleep. These reflect the traditional folk understandings of what happens to a person in this state and how he/she perceives the world. “Sleep” proverbs and sayings produce direct and indirect evidence of time shrinking and expanding in sleep. The space of sleep reality is perceived as an unknown place to which one can return in order to “make corrections”. When asleep, one becomes “pensive”, “thinks others’ thoughts” or “loses one’s mind”. A person’s mental state is treated as “alien”, causing an “unsanctioned” speech generation. Sleep in proverbs and sayings is endowed with mutually exclusive features, viewed in the realms of either death or life.

About the author

Gigla Dzhyndzholiia, University of West Bohemia, Faculty of Education, Department of Russian and French Language, Pilsen, Czech Republic, *giglad.17@gmail.com*